

К 80-летию со дня рождения (1935)
К 25-летию со дня кончины († 1990)

ПРОТОИЕРЕИ
АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

Собрание
сочинений

Том 4

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2016

ПРОТОИЕРЕИ
АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

Серия
«В поисках Пути, Истины и Жизни»

У ВРАТ МОЛЧАНИЯ
Духовная жизнь Китая и Индии
середине первого тысячелетия
до нашей эры

Книга III

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2016

УДК 252
ББК 86-372
М51

По благословию Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012-2018 годы)»

Издание осуществлено при содействии
Гуманитарно-благотворительного фонда
имени Александра Меня

Мень А., протоиерей

М51 Собрание сочинений. Т. 4: Серия «В поисках Пути, Истины
и Жизни». Кн. 3. У врат молчания. — М. : Издательство Московской
Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. — 656 с. : ил.

ISBN 978-5-88017-471-3 (общ.)

ISBN 978-5-88017-523-9 (т. 4)

Книга посвящена истории возникновения и развития восточной философии. В 1-й ее части излагаются учения китайских мудрецов, прежде всего Лао-цзы и Конфуция. Две остальные части посвящены мудрости Индии и прежде всего истории буддизма, в котором с наибольшей для древнего мира силой воплотилась всеобщая жажда спасения. Несмотря на все духовные опасности и соблазны, которые с христианской точки зрения кроются в доктрине Будды, именно ему, несомненно, принадлежит исключительное место среди предшественников Христа.

УДК 252
ББК 86-372

ISBN 978-5-88017-471-3 (общ.)
ISBN 978-5-88017-523-9 (т. 4)

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2016
© Мень Александр Вольфович, прот., 2016

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Мень Михаил Александрович (председатель совета), министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации

Сеславинский Михаил Вадимович, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Григорьев Владимир Викторович, заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Биллингтон Джеймс, доктор, директор Библиотеки Конгресса США

Аман Ив, профессор факультета славистики Парижского университета Нантер (Франция)

Занусси Кишишоф, кинорежиссер, сценарист и продюсер (Польша)

Парравиччини Джованна, атташе по культуре посольства Ватикана в России, сотрудник фонда «Христианская Россия» (Серриате, Италия)

Лукин Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор

Федотов Михаил Александрович, советник Президента Российской Федерации, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека

Архангельский Александр Николаевич, литературовед, литературный критик, публицист, телеведущий, писатель

Мироненко Сергей Владимирович, директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор

Эрнст-Йорг фон Штудниц, доктор, Почетный председатель Германо-Российского форума (Германия)

Кублановский Юрий Михайлович, поэт, публицист, критик, искусствовед

Введение

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета – *митрополит Калужский и Боровский Климент*, председатель Издательского совета Русской Православной Церкви

Заместитель председателя редакционного совета – *протоиерей Владимир Сильев*, главный редактор Издательства Московской Патриархии Русской Православной Церкви

Члены редакционного совета:

Протоиерей *Александр Борисов*, настоятель храма свв. бессребреников Космы и Дамиана в Шубине г. Москвы

Протоиерей *Виктор Григоренко*, настоятель Сергиевского храма в Сергиевом Посаде

Беглов Алексей Львович, историк, преподаватель

Ерёмин Андрей Алексеевич, писатель, публицист

Лапшин Игорь Владимирович, руководитель международного отдела Издательства Московской Патриархии (*секретарь редакционного совета*)

Полицук Евгений Семенович, заместитель главного редактора Издательства Московской Патриархии, ответственный секретарь редколлегии сборника «Богословские труды»

Рашковский Евгений Борисович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино и Института мировой экономики и международных отношений РАН

Сорокин Андрей Константинович, генеральный директор издательства «Российская политическая энциклопедия»

Здесь изнемог высокий духа взлет.

Данте Алигьери
«Божественная комедия».
Рай, XXXI, 142

В середине первого тысячелетия до н. э. глубокий кризис потряс старые магические цивилизации. На смену древней «ритуальной философии» пришли новые учения и мировые религии, которые во многом изменили внутренний облик культур и окончательно определили пути дохристианского человечества.

Слово Христово в первую очередь было обращено к миру, выросшему на идеях великих Учителей, идеях, которые в большинстве своем живы и в наши дни. Понятия о Боге, Вселенной и человеке, о добре и зле, созданные в Греции и Палестине, Китае и Индии, пронизывают своим влиянием людей XX века. Отрешенная мистика и пантеизм, тоталитарная идеология и атеизм, социальные идеи и утопии – все эти порождения эры Учителей для многих продолжают сохранять свою привлекательность. С другой стороны, духовные поиски нашего времени удивительно перекликаются с тем страстным исканием высшей правды, которое характеризует период Упанишад, Будды, Конфуция, Сократа и библейских пророков. Поэтому диалог Евангелия с нехристианским миром – не только событие двухтысячелетней давности, но нечто, продолжающееся и сегодня¹.

¹ О диалоге между христианским и нехристианским миром см.: *S. Neill. Christian Faith and other Faiths. Oxford, 1961. P. 2–3.*

Наше повествование о мировых Учителях разделено на три части. Одна (том IV) посвящена странам Юго-Восточной Азии: Китаю и Индии, другая – Греции (том V), а третья – Израилю (том VI). Том VII в цикле рисует панораму Востока и Запада накануне явления Христа*.

* * *

В той величественной эпопее, какой является странствие человека на путях к истине, мир Юго-Восточной Азии составляет особую главу, полную глубины и значительности. Долгое время европейцам казалось, что «буддийские страны» – это какой-то парадокс, нечто бесконечно далекое от столбовой дороги всемирной истории, и поэтому их нельзя рассматривать в едином контексте общечеловеческой культуры. Действительно, народы Юго-Восточной Азии жили в изоляции от средиземноморской семьи культур, порождая своеобразные, непохожие с виду на другие типы мышления, искусства и религии. С этими загадочными мирами Европа познакомилась сравнительно недавно. Но чем больше она узнавала о них, тем яснее становилось, что при всем своем отличии от западноевропейского и средиземноморского миров Китай и Индия гораздо ближе к ним, чем думали прежде. Под покровом экзотических драпировок стали отчетливо вырисовываться идеи, стремления и надежды, свойственные людям всех континентов. Оказалось, что религиозные системы и философскую мысль Востока следует рассматривать не как причудливое исключение, а как явление, глубоко родственное Западу¹.

Изучение Востока положило конец попыткам отсечь его от общего потока человеческого духа. Достаточно сравнить

* Номера томов даны в соответствии с их расположением в настоящем издании. – *Примеч. ред.*

¹ Эти аналогии и параллели рассмотрены в работах: *Н. Конрад*. Запад и Восток. М., 1966; *К. Роуленд*. Искусство Запада и Востока / Пер. с англ. М., 1958; *П. А. Гринцер*. Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 135.

живопись Египта и Китая, философию эллинов и Упанишад, Рамаяну и Гомера, для того чтобы убедиться в поразительном сходстве или, если хотите, родстве между самыми отдаленными очагами творческого гения. И замечательно, что эта общность культур проявлялась нередко даже тогда, когда отсутствовали всякие внешние контакты между ними.

* * *

Основное содержание предлагаемой книги будет составлять Индия. О первых шагах ее религиозного развития было уже сказано в предыдущем томе «Магизм и единобожие» (главы VIII и IX). Теперь же мы обратимся к той эпохе, в которую Индия, по словам Вл. Соловьева, «в лице своих мудрецов служила некоторое время национальным органом всемирной душе человечества, когда эта последняя поняла суетность природного существования и освободилась от пут слепого желания»¹. Мы увидим, до каких захватывающих дух вершин поднимались восточные мудрецы, как складывалась их вера, согласно которой весь мир и человек предназначены исчезнуть в глубине Божественного...

Индия – родина буддизма, одной из первых мировых религий избавления. Мы вслушаемся в слова Будды, который как бы воплотил в себе всеобщую жажду спасения. Несмотря на все духовные опасности и соблазны, которые с христианской точки зрения кроются в его доктрине, ему, несомненно, принадлежит исключительное место среди предшественников Христа.

Мало где еще необходимость спасения была осознана столь остро, как в буддизме, нигде тоска по божественной полноте не облекалась в столь прекрасные формы, как в буддийских писаниях. Уже одно это дает право говорить о Будде как о человеке, оказавшем влияние, пусть даже косвенное, на приурочивание мира к Евангельской вести.

¹ *Вл. Соловьев*. Собр. соч. Т. XI. Брюссель, 1969. С. 320.

Восток шел к Истине дорогами, очень сходными с теми, по которым шел Запад. Но если западный мир непосредственно приобщился к новозаветному Откровению, то Восток все еще продолжает находиться в пути¹. В пути к подлинному спасению. Ибо оно достигается не там, где земная жизнь заслоняет Небо, и не там, где Небо поглощает землю, но лишь там, где Небо и земля соединяются во вселенском таинстве Богочеловечества.

¹ Одним из характерных симптомов новой эпохи в индийском религиозном сознании является преклонение перед личностью Иисуса Христа. Так, Свами Ранганатанда говорит: «Провозвестие Иисуса и Его Божественная жизнь нашли отклик в индийской душе благодаря их покоряющей привлекательности» (*S. Ranganathananda. The Christ We Adore. Calcutta, 1960. P. 48*). В другом месте этот известный религиозный деятель пишет, что именно в Индии христианство, если оно воспримет философские принципы Веданты, достигнет наибольшего успеха (*S. Ranganathananda. Eternal Values for a Changing Society. 2 ed. Calcutta, 1960. P. 164*). Как бы ответом на эти слова является создание в Индии католического монастыря, братия которого — индийцы: они используют в своей духовной практике наследие йоги и всего индийского подвижничества.

Часть 1

Китайская
философия

Глава первая

На берегах Хуанхэ

Китай между XII и VI вв. до н. э.

*Царство идет к своей гибели скорой.
Небо оставило нас без опоры!
Даже пристанища нам не найти.
Как мы идем, по какому пути?*

Ши цзин

Высокий желтолицый старик с длинной бородой, густыми черными бровями и голым шишковатым черепом. Таким запечатлели его китайские художники. Нередко его изображали сидящим на быке, который уносил его далеко в неведомые края. По преданию, последним, кто видел старика, был начальник пограничной заставы, получивший от него на память удивительную книгу «О пути и добродетели». Расставшись с ним, мудрец отправился куда-то далеко на запад. Фигура его растаяла, подобно призраку, среди горных проходов. С этого дня никто о нем больше не слышал...

Над всем обликом этого человека и доньше клубится дымка легенд, обманчивая, как туман в горах. Даже имени его никто не запомнил точно. Одни называли его Данем, другие – Ли Эром, третьи – Ли Бо Янем. Но всем он был известен под прозвищем *Лао-цзы*, что значит «Старое дитя» или «Старый мудрец». Временем его рождения многие считали 604 г. до н. э.

Тому, кто захотел бы рассказать о жизни Лао-цзы, сделать это было бы нелегко, ибо ничего достоверного о нем фактически не известно. Нередко возникали серьезные сомнения в самом его существовании. Тем не менее рискованно пренебрегать древними преданиями. Слишком часто, к изумлению недоверчивых критиков, в них обнаруживалось ценное историческое ядро.

Скудные сведения о Лао-цзы восходят к его последователю Чжуан-цзы (IV в. до н. э.) и историку Сыма Цяню (II в. до н. э.). Сыма Цянь утверждал, что легендарный мудрец был царским чиновником и заведовал архивом. Когда при дворе начались неурядицы, он оставил службу и, решив «навсегда удалиться от мира», покинул родину. По словам Сыма Цяня, Лао-цзы «считал, что человек должен жить в уединении и чуждаться славы»¹.

Свое учение философ изложил в «Дао дэ цзине», книге «О пути и добродетели». Некоторые полагают, что писал ее не сам Лао, а его ученики. Впрочем, в ней слишком чувствуется печать личного творчества, и вряд ли ее можно

¹ *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1–7. М., 1972–1996. Гл. 61–63 (рус. пер. «Избранное» М., 1956. С. 57). У Чжуан-цзы приводятся выдержки из «Дао дэ цзина». Сыма Цянь не скрывает сомнительности своих сведений о Лао-цзы. Большинство исследователей полагает, что автор «Дао дэ цзина» жил позже Конфуция, около 400 г. (см.: *Л. Васильев*. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. С. 222), а некоторые относят его ко времени после Чжуан-цзы, т. е. к III в. (см.: *В. Рубин*. Идеология и культура древнего Китая. М., 1970. С. 119). Однако есть немало авторов, которые считают традиционную легенду о Лао-цзы заслуживающей доверия. Э. В. Уотс, например, видит в отрицании достоверности предания лишь дань моде, тем гиперкритическим тенденциям, которые время от времени обнаруживаются при суждении об исторических лицах древности (см.: *A. W. Watts*. The Way of Zen. N. Y., 1957). Одним из аргументов против историчности Лао-цзы является наличие в «Дао дэ цзине» полемических намеков, направленных против конфуцианства. Но вряд ли это соображение можно считать решающим. Конфуцианские идеи в то время уже носились в воздухе, и Лао-цзы мог быть с ними знаком. С другой стороны, если (как гласит предание) Лао-цзы был современником Конфуция, он, естественно, мог выступать против него. Наиболее осторожную позицию в этом споре занимают те историки, которые вместе с А. Уэйли отказываются от окончательного решения вопроса (*A. Waley*. The Way and his Power. L., 1934. P. 86). См. также: *Max Kaltenmark*. Lao Tseu et le taoisme. P., 1965.

считать созданием многих людей. И даже если бы вся легенда о ее авторе оказалась вымыслом, он, несомненно, должен быть поставлен в первые ряды мировых мыслителей. Кто бы он ни был, какое бы ни носил имя — перед нами писатель огромной силы, по праву названный Вл. Соловьевым «величайшим умозрительным философом желтой расы»¹.

Величие и своеобразие этого человека легче всего понять, если рассматривать его появление в контексте его эпохи и всей культуры Китая.

* * *

Лао-цзы родился в стране, само название которой уже давно стало синонимом всего консервативного, заурядного, неподвижного. На ее историю наложило неизгладимую печать своеобразное положение среди других культурных стран древности. Ни одна из них не была в такой степени отрезана от прочего цивилизованного мира, как Китай. На север от него тянулись безжизненные пространства пустыни Гоби и монгольские степи, по которым бродили орды воинственных кочевников. Запад охраняли неприступные твердыни Тибета; юго-восточное побережье омывалось водами Великого океана.

Этот замкнутый мир бесконечно отличался от динамичного Средиземноморья и близлежащих стран. Там народы, даже если бы и захотели, не смогли бы избежать взаимных столкновений и влияний. В великих битвах и на шумных базарах, на караванных путях и в школах жрецов вавилоняне и финикийцы, египтяне и иудеи, персы и греки постоянно встречались друг с другом, и эти встречи порождали духовное брожение и стимулировали культурное развитие. Не то мы видим в Китае.

Из века в век китайские племена знали почти только друг друга; контакты с другими цивилизациями были случайными

¹ *Вл. Соловьев*. Китай и Европа. Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1912. Т. VI. С. 118.

и мимолетными и оказали ничтожное влияние на историю Китая.

Рассматривать себя как некий центр мира было свойственно многим древним народам. Так, в Египте и Греции чужеземец долгое время почти не считался человеком. Но жизнь постепенно вносила свои поправки в эти представления. Культурный обмен, торговля и завоевания делали границы государств условными и непрочными. Египтяне пользовались вавилонской клинописью в своих дипломатических документах, финикийцы поклонялись вавилонским богам, иудеи призывали из Тира художников и строителей, греческими спортивными играми увлекались в Иерусалиме, эллинистические государи принимали древнеегипетские титулы, греки заимствовали свой алфавит у финикийцев. Китайцы же, которые называли свою страну Чжун-го, «Срединная империя», и были уверены в том, что она является средоточием вселенной, навсегда сохранили это горделивое чувство своей исключительности и превосходства над всеми. Оно настолько укоренилось в сознании народа, что его не смогли поколебать никакие более поздние контакты с другими цивилизациями.

Малейший намек на опасность проникновения иноземных идей или иноземных изделий вызывал в Древнем Китае бурную реакцию. За четыре тысячи лет своей истории Китай сумел сохранить внутреннюю обособленность. Только трижды за все это время «Великая китайская стена» дала трещины. Мы имеем в виду появление в Китае буддизма, коммунизма и элементов западной науки. Но и они имели успех лишь потому, что в Китае уже прежде были сходные тенденции и учения.

В мировоззрении народов Ближнего Востока и Греции издревле существовал дуализм, который мыслился как борьба между силами созидания и стихией хаоса. У китайцев же он принял весьма своеобразные черты: они рассматривали исконные космические начала скорее как начала взаимодополняющие, чем противоборствующие. Принципы *Ян*

и *Инь* создавали, по их понятиям, стабильность и *равновесие*, на которых покоился неизменный строй мироздания¹. Под влиянием этого учения в обстановке длительной изоляции выковывался и характер китайца — трезвый, рассудочный, уравновешенный, мало склонный к темпераментным порывам и поискам неизведанных путей.

Река Хуанхэ, одновременно кормилица и враг, воспитывала людей неприхотливых, настойчивых и трудолюбивых. У ее берегов сложился и образ идеального человека, на которого сознательно и бессознательно равнялись все. Его мир был ограничен, но зато человек этот был упорен в достижении цели, отличался самообладанием и рассудительностью; он относился с почтением к отцу, к семье, роду, к отечественным обычаям и традициям. Он любил порядок и враждебно встречал все чужое. Ясность, граничащая с узостью, реализм, граничащий с тривиальностью, сковывали в нем свойственный человеку мятежный дух, тот дух, который вечно волновал народы Запада.

Пламенный пророк, мечущий громы и молнии, вакхант, отдающийся экстазу Дионисовой пляски, цезарь, изощряющийся в безумствах, — все это было в достаточной степени чуждо древним обитателям Срединной империи. Если они и делали добро, то без надрыва и сентиментальности, спокойно и сдержанно, если же проявляли жестокость, то не в состоянии эмоционального припадка, а с неумолимой последовательностью и обдуманностью.

¹ Происхождение символов Ян и Инь не выяснено. Но общепринятой считается теория об их связи с образами божественных Отца и Матери. См.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965. С. 35; P. Grimal (ed.). Larousse World Mythology. L., 1965. P. 274. Первые письменные свидетельства о китайском дуализме относятся к I тысячелетию до н. э. «С самого своего появления эта концепция... исходила из того, что противоположные силы инь и ян должны не противоборствовать, а гармонически сливаться, взаимодействовать» (Л. Васильев. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. С. 80).

Устойчивость жизненного уклада закрепляла социальные и этические нормы, создавала цивилизацию, застывшую в лоне своих неизменных традиций.

Широко распространено преувеличенное представление о какой-то баснословной древности китайской культуры, представление, поддерживаемое и самими китайцами. Но в действительности первые значительные культурные сдвиги на берегах Хуанхэ произошли лишь незадолго до гибели династии Шан-Инь (XVIII-XII вв. до н. э.). В частности, письменность появилась в Китае уже много позже падения Древнего царства в Египте и исчезновения великой шумерской цивилизации. Культуры, сложившиеся на берегах Нила, Евфрата и Инда, старше китайской. Само Шан-Иньское государство возникло во времена Хаммурапи и Миносской державы на Крите.

Что же создало Срединной империи славу чуть ли не древнейшего в мире центра цивилизации? Безусловно, главную роль в этом сыграло то, что китайское искусство, музыка, литература в целом настолько мало изменялись на протяжении веков, что только специалист в состоянии заметить в них какое-то движение. Пожалуй, ни один народ в мире не сохранил столь целостного и непрерывного потока культурной традиции. Не нужно быть большим знатоком, чтобы усмотреть различие в стиле архаической Геры и Венеры Милосской. Между тем картины китайских художников XVIII или XIX в. поразительно близки к картинам, написанным в X и XI вв.

Эта стойкость традиции отразилась и на общественных идеалах. Они были столь же единообразны, как и художественные каноны. Законы предков и древних легендарных царей считались высшим источником государственной мудрости. *Сяо* (почтение к родителям) было цементом, связующим общество, которое мыслилось как некая огромная семья. На *вана* — правителя или царя — смотрели как на общего отца народа-семьи.

Нигде в древности, кроме, быть может, Греции, мы не встретим такого интереса к вопросам политического устройства, как в Китае. Но если у греков этот интерес приводил к утопиям, социальным экспериментам, то для китайцев он сводился к непрерывной реставрации старины, к упорным попыткам возродить традиционный общественный строй. Даже события в Китае XX века, при всей их кажущейся «революционности», есть, по сути дела, лишь одна из таких попыток.

Подобно тому как в первобытном обществе племя, род являются всем, а индивидуум — ничем, так и в типично китайском воззрении на общество главным было «целое», его устои и порядок; от личности же требовалось лишь подчинение. Согласно этому воззрению, «народ, правитель, чиновники — все принадлежат в равной степени государству»¹.

Неудивительно поэтому, что китайский общественный идеал принял форму своеобразного культа *порядка*, унаследованного от древности. В свою очередь пиетет перед древностью был самой благоприятной средой для процветания магизма в религии. Магия была призвана поддерживать не только природный, но и политический порядок. Мистические источники живой веры были буквально задавлены механическим ритуализмом, церемониями и обрядностью. Посюсторонний характер магизма отразился на стремлении китайцев «устроить свои дела на земле». Древнейшие письменные памятники Китая — гадательные надписи — свидетельствуют о том, что людей, вопрошавших богов, интересовали только земные житейские проблемы: начать ли войну, куда двинуться походом, построить ли крепость и т. д.² Не случайно и то, что в Китае довольно рано начала развиваться техника. Бумага и искусство выплавки чугуна, магнитный компас и ветряное колесо были изобретены там за много столетий до того, как все это появилось на Западе.

¹ Фань Вень-лань. Древняя история Китая. М., 1958. С. 159.

² Гадательные надписи. ХДВ. С. 440.